

Д.Н. Мамин-Сибиряк

**Про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и
весёлого трубочиста Яшу**

Сказка из цикла Алёнушкины сказки рассказывает о дружбе между ершом и воробьём. Однажды друзья поссорились из-за червяка, и трубочист Яша взялся рассудить их спор...

*Про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу
читать*

Воробей Воробеич и Ерш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал: — Эй, брат, здравствуй! Как поживаешь?

— Ничего, живём помаленьку, — отвечал Ерш Ершович. — Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах. Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками.

— Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу. Я тебя, брат, ягодами буду угощать — у меня целый сад, а потом раздобудем и

корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

— Какой он?

— Белый такой.

— Как у нас гальки в реке?

— Ну вот. А возьмёшь в рот — сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

— Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу.

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду, — по колени зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит перышки — и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

— Как это тебе не надоест в воде сидеть? — часто удивлялся Воробей Воробеич. — Мокро в воде, — ещё простудишься.

Ерш Ершович удивлялся в свою очередь:

— Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось летом все ко мне в воду лезут купаться. А на крышу кто к тебе пойдёт?

— И ещё как ходят, брат! У меня есть большой приятель — трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит. И весёлый такой трубочист, — всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлебца и закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться.

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима: как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Нахохлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги, да и сидит. Одно только спасенье — забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу — трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом, — чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

— Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и до смерти убить.

— А я почём же знал, что ты в трубе сидишь?

— А будь вперёд осторожнее. Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул, разве это хорошо?

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробеич. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

— Эй, Ерш Ершович, жив ли ты?

— Жив, — сонным голосом откликается Ерш Ершович. — Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

— И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть. Ух, какой злой ветер бывает! Тут, брат, не заснёшь. Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький воробушек!» Ах, только бы дожидаться тепла. Да ты уж опять, брат, спишь?

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьем Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

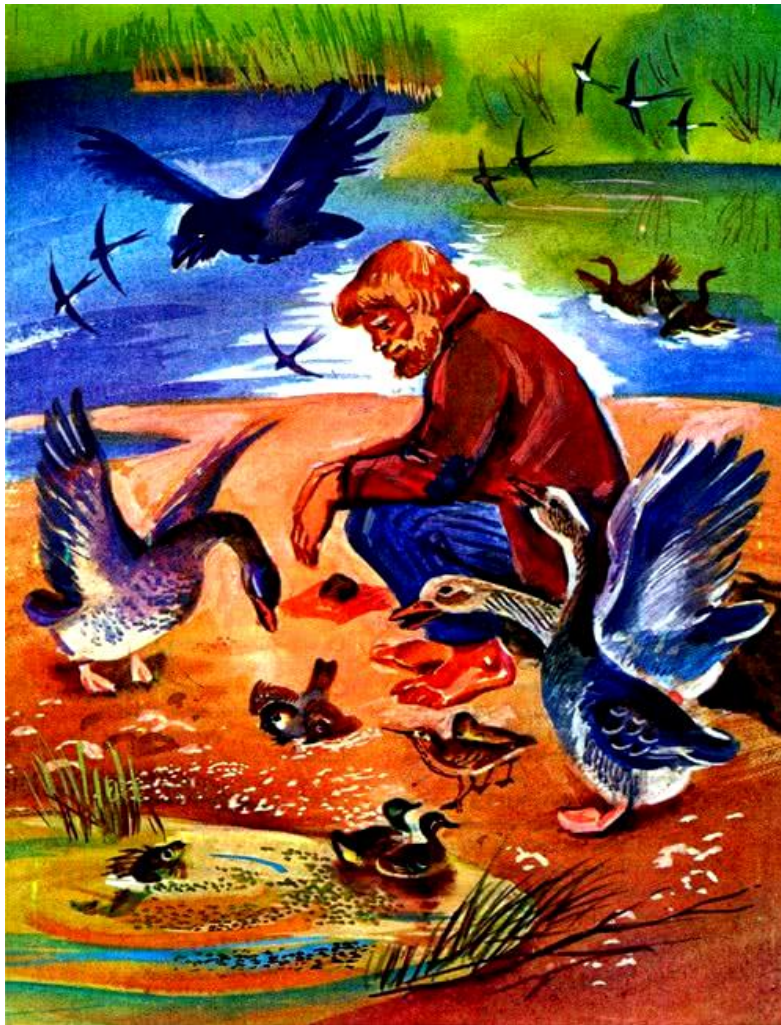

— Ох, едва жив ушёл! — жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух. — Вот разбойник-то! Чуть-чуть не сцапал, а там бы поминай, как звали.

— Это вроде нашей щуки, — утешал Ерш Ершович. — Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния. А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной. Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять.

— И я тоже. Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука была ястребом. Одним словом, разбойники.

Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ерш Ершович, зябли по зимам, радовались летом; а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит — страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут — ничего не разберёшь.

— Эй вы, что случилось? — крикнул трубочист.

— А вот и случилось, — чиликнула бойкая синичка. — Так смешно, так смешно! Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает. Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все перышки стоят дыбом.

— Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? — спросил трубочист.

— Нет, я ему покажу! — орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости.

— Он ещё не знает, каков я. Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник.

— Не слушай его! — крикнул трубочисту из воды Ерш Ершович. — Всё-то он врёт.

— Я вру? — орал Воробей Воробеич. — А кто червяка нашёл? Я вру! Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал. Сколько трудился. Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство — должен я корм носить. Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ерш Ершович, — чтоб его щука проглотила! — как крикнет: «Ястреб!» Я со страху крикнул — червяк упал в воду, а Ерш Ершович его и проглотил. Это называется врать?! И ястреба никакого не было.

— Что же, я пошутил, — оправдывался Ерш Ершович. — А червяк действительно был вкусный.

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки, — слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ерш Ершович над старым приятелем! И ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

— Подавись ты моим червяком! — бранился Воробей Воробеич. — Я другого себе выкопаю. А обидно то, что Ерш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его к себе на крышу звал. Хорош приятель, нечего сказать! Вот и трубочист Яша то же скажет. Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест — я крошки подбираю.

— Пойдите, братцы, это самое дело нужно рассудить, — заявил трубочист. — Дайте только мне сначала умыться. Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся.

— Моё дело правое, — что же мне беспокоиться! — орал Воробей Воробеич. — А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутики шутить.

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

— Ну, братцы, теперь будем суд судить. Ты, Ерш Ершович, — рыба, а ты, Воробей Воробеич, — птица. Так я говорю?

— Так! Так! — закричали все, и птицы и рыбы.

— Будем говорить дальше! Рыба должна жить в воде, а птица — в воздухе. Так я говорю? Ну вот. А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите.

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

— Вот смотрите: что это такое? Это — хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хотят пообедать. У вас, значит, своя пища! Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит, он его заработал, и, значит, червяк — его.

— Позвольте, дяденька, — услышался в толпе птиц тоненький голосок. Птицы раздвинулись и пустили вперёд Бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

— Дяденька, это неправда.

— Что неправда?

— Да червячка-то ведь я нашёл. Вон спросите уток — они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

— Как же это так? — бормотал он, собираясь с мыслями. — Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

— Это не я вру, а Бекас врёт. Он сговорился вместе с утками.

— Что-то не то, брат. Да! Конечно, червячок — пустяки; а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот не должен врать. Так я говорю? Да.

— Верно! Верно! — хором крикнули опять все. — А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьем Воробеичем! Кто у них прав? Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

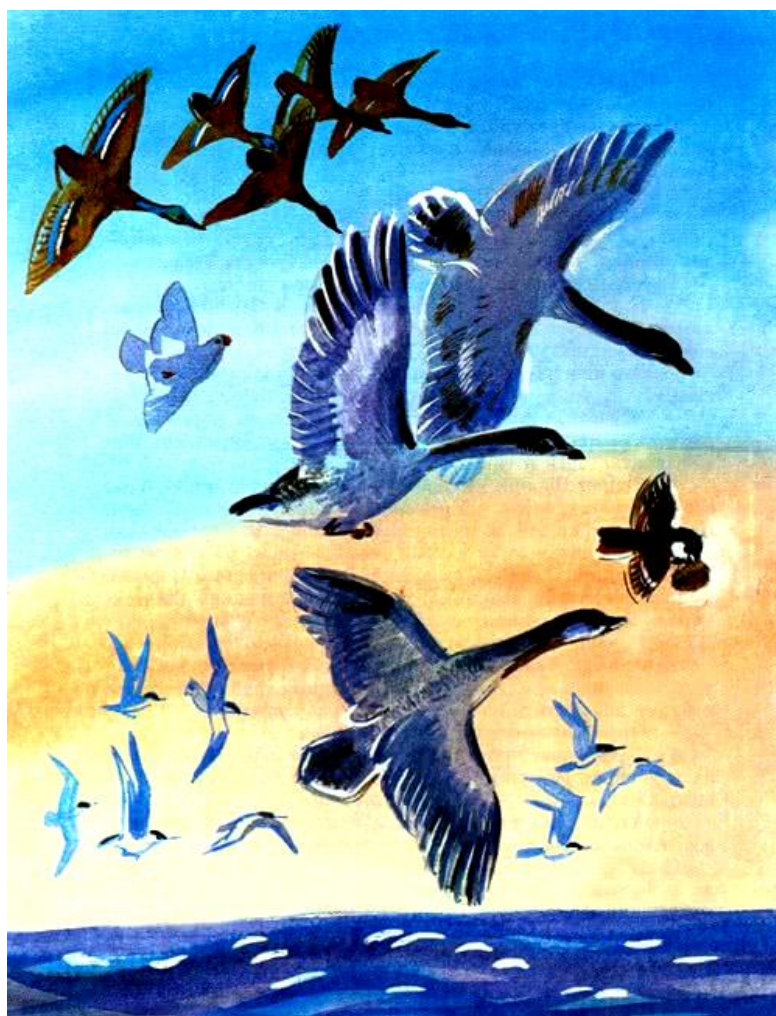
— Кто прав? Ах вы, озорники, Ерш Ершович и Воробей Воробеич! Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера. Ну, живо миритесь, сейчас же!

— Верно! — крикнули все хором. — Пусть помирятся.

— А Бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками, — решил трубочист. — Все и будут довольны.

— Отлично! — опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет.

Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

— Ах, разбойник! Ах, плут! — возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за вором. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы.

Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку; а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки.

Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором Воробьем да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло. Все убежали от него, остался один только Бекасик-песочник.

— А ты что же не летишь за всеми? — спрашивает трубочист.

— И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют.

— Ну, вот так-то лучше будет, Бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали.

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

— Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички! А я бы разделила всё — и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока. Папа приносит четыре яблока и говорит: «Раздели пополам — мне и Лизе». Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое — Лизе, а два взяла себе.